

3. ПУШКИН — «НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ»

«СВАТ ИВАН»

А. Ф. Белоусов
г. Санкт-Петербург

Стихотворение А. С. Пушкина «Сват Иван, как пить мы станем...» датируется октябрём — началом ноября 1833 года¹. Однако время создания этого стихотворения, кажется, можно уточнить. Обстоятельства, которые способствовали его созданию, возникли в середине октября. В это время Пушкин, находившийся в Болдине, получил письмо князя В. Ф. Одоевского.

Важна не столько просьба Одоевского, который предложил «почтенному г<осподину>Белкину» принять участие в задуманном его «сотрудниками» Гомозейкою и Рудым Паньком альманахе «Тройчатка», сколько приписка к письму, где сообщалось о том, что «мысль трех-этажного альманаха <...> очень нравится» вернувшемуся после длительного лечения за границей Жуковскому². Если творческие устремления Пушкина-прозаика, который работал над «Историей Пугачева», писал «Пиковую даму» и уже набрасывал первые черновые куски «Капитанской дочки», решительно расходились с планами Гоголя и Одоевского, возвращавшими его к «покойнику» Белкину, то одно из создававшихся в Болдине поэтических произведений напоминало о былом «сотрудничестве» с В. А. Жуковским. Спустя два года после того как они соревновались в сочинении «совершенно русских», по выражению Гоголя³, сказок, Пушкин вновь обращается к этому жанру. Накануне получения письма от Одоевского была закончена «Сказка о рыбаке и рыбке».

Отказавшись от предложения Одоевского⁴, Пушкин готов возобновить свое сотрудничество с Жуковским. Этому и посвящено его стихотворение «Сват Иван, как пить мы станем...».

Оно обращено не к И. П. Мятлеву, как предположили исследователи его творчества, решившие, что в этом стихотворении отражается история создания коллективного «поминания» («Надо помянуть, непременно помянуть надо...»), написанного Вяземским и Пушкиным при участии Мятлева и посланного в письме Вяземского Жуковскому от 26 марта 1833 года⁵. Имеется в виду литератор, не только сочинявший сказки, но и разделяв-

ший пушкинское отношение к «Пахомовне», образ которой давно уже связывается с Ариной Родионовной⁶. Вспомним, какую роль в поэтическом «состязании» лета и осени 1831 года играли сказочные сюжеты, записанные Пушкиным со слов Арины Родионовны: одним из них воспользовался и Жуковский, создавая свою «Сказку о царе Берендее». Адресат пушкинского стихотворения — конечно, Жуковский. Об этом может свидетельствовать и обращение героя к своему собеседнику. Обыгрываются планы женить Жуковского на Е. Н. Гончаровой, которые возникли в то время у Натальи Николаевны и обсуждались в семейном кругу⁷.

Выявлению литературно-бытовой основы текста, помимо прочего, мешает и мастерская стилизация фамильярно-соседской болтовни в пушкинском стихотворении. Изображен балагур, говорящий весело и забавно, пересыпающий свою речь шутками и прибаутками. Выделяется восходящее к святочным игрищам с покойником и широко распространенное в фольклоре шуточное поминание «Трех Матрен, Луки с Петром»⁸. Характерно и имя героини стихотворения — Пахомовна, принадлежащее участнице известного песенного диалога «Сидор Карпович», который имеет еще более серьезный ритуальный смысл, нежели поминание «Трех Матрен...»⁹.

Исходя из имен зрителя и зрительши в «Дубровском», можно предполагать, что Пушкин знал этот диалог. Однако мифологическая сущность «Пахомовны» растворяется в господствующей здесь стихии речевого балагурства. Ее комический эффект усугубляется пьяным косноязычием героя, которое подчеркивается неожиданными изменениями в рифмовке стихотворения. В результате создается яркий и, казалось бы, вполне самодостаточный образ подвыпившего простолюдина.

А между тем, он — подставное лицо: за ним скрывается сам Пушкин, отпустивший в Болдине бороду¹⁰, которая сделала его похожим на мужика. Этот мужик пьян потому, что таковы ходячие представления о поэтическом творчестве: «Как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать!»¹¹. Лишь одно выдает в нем его создателя. Весьма своеобразным и далеким от фольклорной традиции является поминание «мастерицы»-сказочницы не только привычными «пирогам и вином», но и сказками, что характерно именно для Пушкина (ср.

«Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами» — из письма Пушкина П. А. Плетневу от 31 января 1831 года¹²; «Мы правим тризну по Дельвику. А вот как наших поминают! и кто же? друзья его!» — пишет Пушкин о Вяземском и Баратынском, медливших с присылкой своих произведений для «Северных цветов», в письме Н. М. Языкову от 18 ноября 1831 года¹³ и т. п.).

«Монолог пьяного мужичка», как назвал стихотворение впервые опубликовавший его П. В. Анненков¹⁴, оборачивается посланием, адресованным сотруднику в литературных делах. Очевидно, что смысл этого «послания» Жуковскому не исчерпывается только игрой и шуткой. Обещание помянуть «Пахомовну» Пушкин выполнил: тогда же в Болдине была написана «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Измайлов Н. В.* «Осень. (Отрывок)» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 251.

² См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Переписка. 1832—1834. М.-Л., 1948. Т. 15. С. 84.

³ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Письма. 1820—1835. М.-Л., 1940. Т. 10. С. 214.

⁴ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 90.

⁵ См.: *Коварский Н. А., Бахметьева Е. П.* Примечания // Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969. С. 616.

⁶ См.: *Сумцов Н. Ф.* Исследования о поэзии А. С. Пушкина // Харьковский университетский сборник в память А. С. Пушкина (1799—1899). Харьков, 1900. С. 116; *Лернер Н. О.* Примечания // Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Пг., 1915. Т. 6. С. 436.

⁷ В письме от 21 октября 1833 года Пушкин спрашивает Наталью Николаевну: «Что ж ты хотела женить его <Жуковско-го. — А. Б.> на К. <атерине> Н. <иколаевне>?» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 88).

⁸ См.: *Шейн П. В.* Народная песня и Пушкин: Эюд // Ежемесячные сочинения. 1900. № 5, 6. С. 105—106.

⁹ См.: *Топоров В. Н.* Заметки по похоронной обрядности. IV. Об одном архаичном переживании: похороны Сидсра Карповича // Балто-славянские исследования. 1985. М., 1987. С. 31—48.

¹⁰ См.: «...отпустил я себе бороду: *ус да борода — молодцу похвала; выйду на улицу, дядюшкой зовут*» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 89).

¹¹ См. там же. С. 87.

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Переписка. 1828—1831. М.-Л., 1941. Т. 14. С. 148.

¹³ См. там же. С. 241.

¹⁴ См.: Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. Спб., 1855. С. 155.

ПУШКИНСКИЕ ОБРАЗЫ В СВЕТЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИЙ (СОЛОВЕЙ)

Л. И. Карнова
г. Волгоград

В фольклорной, мифологической и литературной традициях с глубокой древности используются образы различных животных, в том числе и птиц. В Древней Греции существовал миф о женщине, превратившейся в соловья¹. В Иране же соловей прочно вошел в литературную символику, причем в союзе с розой. В творчестве А. С. Пушкина этот образ восходит к фольклорной и литературной традициям славян и иранцев, что мы далее попытаемся доказать.

Соловей — один из самых прекрасных лесных певцов. «Чарующие песни соловьев покоряют многих. Редко кого оставляют равнодушными мелодии этой невзрачной серовато-бурой птички. А сколько посвящено певцу Авроры стихотворений, музыкальных произведений и других поэтических описаний»²! Образ соловья проходит через все творчество Пушкина.

С 1820 года (поэма «Руслан и Людмила») соловей связывается поэтом с наступившей весной:

*Пригорки, рощи и долины
Весны огнем оживлены;
С прохладой вьется ветер майский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей... (IV, 31)**

Эта же тема появляется в «Евгении Онегине»:

* Здесь и далее в круглых скобках римская цифра обозначает том цитируемого источника, арабская — страницу.

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

Волгоградский государственный педагогический университет

ЛИТЕРАТУРА И фольклорная традиция

Сборник научных трудов

*К семидесятилетию
профессора Д. Н. Медриша*

Волгоград
«Перемена»
1997